

ТЮЛЬПАНЫ ЗАЦВЕТУТ ВЕСНОЙ

Владимир Тубский

Владимир Губский

Тюльпаны зацветут весной

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Губский В. В.

Тюльпаны зацветут весной / В. В. Губский — «Издательство
«Перо», 2026

ISBN 978-5-00270-973-1

Поводом для написания этой книги послужили рассказы отца о войне, а так же рассказы моих бабушек о «старой» жизни. Я лишь попытался переложить эти устные рассказы на бумагу, придав им повествовательный характер, чтобы сохранить для потомков кусочек нашей общей истории, потому что нет ничего важнее в жизни, чем память о предках и об истории своего Отечества.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00270-973-1

© Губский В. В., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Похоронка	7
Икона	9
Казаки	13
Жеребец	14
Реформа	16
Война	18
Колонисты	20
Решение	21
Степь	23
На новом месте	24
Надежды	27
Перемены	30
Николаевск	33
Надлом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Губский
Тюльпаны зацветут весной
Роман

© Губский В. В., 2026

Книга издаётся в авторской редакции.

Предисловие

Я никогда не видел своего деда – он погиб на Волховском фронте 1-го января 1943 года. От него у меня остались три фотографии, три письма, написанные цветным карандашом на клочках бумаги перед отправкой на фронт, «похоронка» и чудом сохранившаяся автобиография от 1936 года.

Мой отец застал войну на её завершающем этапе – с мая 1944-го по май 1945-го года. За три недели до отправки на фронт ему исполнилось 18 лет. В мае 1946 года из пехоты он был призван на Северный флот, где прослужил ещё пять лет. Он прожил долгую жизнь, но эти семь лет военной службы он считал лучшими годами своей жизни, и всегда охотно рассказывал о них.

Поводом для написания этой книги послужили рассказы отца о войне, а так же рассказы моих бабушек о «старой» жизни. Я лишь попытался переложить эти устные рассказы на бумагу, придав им повествовательный характер, чтобы сохранить для потомков кусочек нашей общей истории, потому что нет ничего важнее в жизни, чем память о предках и об истории своего Отечества.

В. Губский

Памяти наших предков...

Часть первая

Отец

Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего.
М. Ломоносов

Похоронка

В середине снежной и лютой зимы 1943 года, через две недели после похорон деда Терентия Тимофеевича, умершего под Рождество, сельская почтальонка Соня принесла в хату новую беду – «похоронку» на отца, стигнувшего где-то на Волховском фронте.

Валерка видел, как испуганно вскинулись руки матери и, задрожав в нерешительности, сначала огладили передник, затем робко приняли серый казённый конверт и достали из него сложенную вдвое бумажку. Мать поднесла её к свету, медленно развернула и, неслышно шевеля губами, долго разбирала корявые строчки. Затем, остолбенело и обречённо, уперев глаза во что-то, видимое только ей одной, странно охнув, будто разом потеряв силу, опустилась на лавку у печи. Учув в этом охе недоброе, пятеро младших братьев и сестёр сбились в стайку вокруг матери, которая, сокрушённо покачивая головой, принялась обнимать своих, наполовину осиротевших детей.

– Нет у вас больше отца, родненькие мои, – едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, выдавила из себя Дарья Макаровна, по очереди поглаживая детей по головам. Дети видели, как потекли слёзы по впалым щекам матери, и ещё до конца не понимая, какое горе свалилось на них, завывли в разноголосицу, как молодые волчата. От этого воя за печью под полатями проснулся телёнок и тревожно замычал протяжным баском. Старший сын Валерка, которому предстоящей весной должно было исполниться семнадцать, почувствовал, как вместе с вонзившимся в спину холодком и горьким отчаянием от этой страшной и непоправимой потери в сознании возникла пугающая своей неожиданностью мысль, что с этого дня он – старший мужик в семье.

Из «похоронки», написанной на казённом бланке, нельзя было разобрать, где и при каких обстоятельствах погиб отец – красноармеец 15-го стрелкового полка Василий Терентьевич Польшин. Сколько он успел повоевать и вообще, успел ли? Отец ушёл на войну в начале октября 42-го, в те самые кровавые и тяжелейшие дни и ночи, когда в Сталинграде, на Волге решалась судьба страны. До середины декабря от него приходили письма из Вольска, где находился пункт формирования новой дивизии. Отец сообщал, что получил обмундирование, что всё у него хорошо и передавал поклоны и приветы всем родным и знакомым, а ещё упрекал младшего брата Филиппа за то, что тот ни разу не написал ему. Даже сулил брату прислать чистой бумаги – на случай, если тому не на чем писать.

Мать читала отцовские послания, написанные карандашом на разномастных листках бумаги, свёрнутых по-военному, в треугольники со штемпелем цензуры и номером полевой почты. Дети внимательно вслушивались в голос матери, пытаясь, каждый по-своему, представить отца на войне. И, возможно, представлялся он им верхом на коне, в косматой бурой папаше, с чёрными усами и пашкой в руке. Такая фотография висела на стене в хате, в тёмной деревянной рамке рядом с фотографиями деда Терентия и бабки Ульяны. И, казалось, он был ещё с ними где-то рядом – только вышел на время из хаты по своим делам. В углу у входа ещё стояли самодельные отцовские чирки, которые мать почему-то не хотела убирать. Отцовские

письма читались, когда все собирались за большим гладко выскобленным деревянным столом, сделанным отцом ещё до войны из большой церковной иконы.

«1942 год, 22 октября.

Письмо от вашего мужа, Василия Терентьевича Полянина. Добрый день, многоуважаемая моя супруга, Дарья Макаровна и дорогие мои детки: Рая, Валера, Вера, Анатолий, Шура и Надя. Передаю вам свой горячий привет. Ещё, Даша, прошу тебя передать привет бабушке, дедушке, брату Филе и всему ихнему семейству, а также, тётке и внукам. Ещё сообщаю тебе, Даша, что я пока жив и здоров, сейчас нахожусь в районе Вольска. С Рыжовым С.Д. был вместе в роте, и сейчас живём вместе. На время нашего здесь пребывания назначили меня завскладом продуктов. Жизнь в Красной армии неплохая, плюс, едим досыта. Три раза в день варят и чай сладкий. В общем, жить можно. Обо мне не тужите, а как разобьём гадов, фашистов, так приеду. Ещё сообщаю, Даша: если получите моё письмо, то напиши ответ и пропиши, как вы там живёте, как вам там пособляют. В общем, пропиши всё, я буду ждать. С приветом, до свидания. Даша, передай привет от меня Королёву В.А., Бережнову и Мудрицкому. Извиняй, что плохо написал.

Даша, ещё прошу тебя: напиши мне всё подробно, как вы там живёте, как ведёте своё хозяйство, и как учатся ребята. По сколько получили денежного аванса и сколько хлеба фуражом? Как обращают на вас внимание, особенно руководящие органы. Может быть, за чем-нибудь обращалась, и как они обходятся с вами? Если только будут чем обижать, то мне сообщите. Я здесь в части с комиссаром поговорю, то он, я думаю, поможет заставить: не обижать, а помогать только.

Если буду выезжать на фронт, то я сообщу тогда. И с тем, ещё раз до свидания. Передавай привет всем знакомым. Писал письмо в три приёма, в свободное время. Пока жив и здоров. После окончания вой ны жди домой.

Ваш муж, В. Т. Полянин».

Только теперь Дарья вдруг вспомнила одну странную фразу, сказанную мужем в последний вечер накануне ухода на войну. Он вышел во двор покурить и долго не возвращался, а когда вернулся в дом, то, подойдя к ней, как-то неестественно бодро произнёс:

– Через три месяца, Даша, ждите от меня весточку...

Вот и дождались.

Но ни жена Дарья Макаровна, ни шестеро её детей так никогда и не узнали, что их отец, красноармеец Василий Терентьевич Полянин, без тяжких ранений провоевавший всю Гражданскую войну – сначала на Уральском, а затем на Польском фронте – был разорван немецким снарядом в первом утреннем бою под Волховом, куда накануне морозной новогодней ночью прибыли маршевые роты Вольской резервной дивизии, едва успевшие занять и обжить обледеневшие от крови траншеи.

Икона

Весною 1935 года, уже после ликвидации хуторских крестьянских хозяйств, всеобщей коллективизации и голода, по всей стране прокатилась новая волна, на сей раз – антирелигиозной борьбы. Докатилась она и до зелёных берегов речки Камышлак, неторопливо текущей среди голой равнины саратовских степей, и до белых приземистых хат Новочерниговки с её тенистыми вёслами и изогнутым широкой дугой лиманом.

Одной из главных задач государства стало воспитание «нового человека», лишённого устаревших религиозных предрассудков. Выполняя указания вышестоящих органов и опираясь на деревенских активистов из «Союза воинствующих безбожников», районная власть объявила о закрытии сельской церкви и об изъятии в пользу государства всех церковных ценностей, которые будут в ней обнаружены.

Народ, не согласный с закрытием и разорением храма, стал по ночам украдкой наведываться в его тёмное чрево в отчаянной попытке – спасти и унести всё то, что ещё можно было спасти и унести. В одну из таких ночей Василий принёс домой большую икону, выломав её из нижнего яруса иконостаса. Втащив икону в сени, Василий засветил керосиновую лампу, поднёс её к иконе и долго осматривал принесённую им большую и тяжёлую доску. Убедившись, что на лицевой стороне доски нет никаких заметных повреждений, он отыскал чистую тряпку и тщательно протёр икону с обеих сторон, и только потом занёс её в избу. Приставив икону к печи, он тихо, чтобы не разбудить детей, позвал жену.

Дарья не спала, она слышала, как вернулся Василий и по тому, как долго он возился в сенях, поняла, что вернулся он не с пустыми руками. Поднявшись с кровати, она в одной нижней рубашке и стоптанных чирках подошла к мужу. В глазах его жёлтыми зайчиками играл отражённый свет керосиновой лампы, а довольное лицо загадочно улыбалось. Кивком головы он указал ей на стоявшую у печи, «спасённую» икону. В колеблющемся жёлтом свете фитиля с большой тёмной доски на Дарью смотрели знакомые и грустные глаза другой женщины, держащей на руках своего ребёнка. В какой-то момент Дарье показалось, что изображённая на доске Богородица пристально глядится в неё и, как женщина, как мать, просит не оставлять её в беде...

Долгое время икона Богородицы стояла на табурете в красном углу избы под старыми, ещё дедом привезёнными из Новороссии образами, покрытыми вышитым рушником.

Растапливая по утрам печь, Дарья ежедневно молилась, стоя перед домашним иконостасом, просила у Бога прощения за грехи, здоровья и силы себе, и своим домочадцам. Вместе с ней просили у Бога милости, приходившие в гости, дед Терентий и бабка Ульяна. Василий не молился, так как был сознательным коммунистом, но жене и старикам-родителям в общении с Богом не препятствовал. Всё же, несмотря на свою сознательность, он любил всякую такую красоту в жизни, втайне любовался иконой и не позволял детям касаться её руками.

Спасаясь от полуденной жары, Василий сидел на самодельном табурете у окна в хате и, теребя в руках старую, замызганную газету, принесённую накануне из сельсовета, шурился и бормотал в большие чёрные усы неразборчивые слова. От напряжённого усердия он громко сопел перебитым ещё в Гражданскую кривым носом. Его, прокалённое солнцем, лицо почернело, и делало его старше своих тридцати восьми лет. Отмеченный белой полосой незагорелый лоб временами морщился в преодолении умственного труда. Тёмные, обмётанные степным ветром, впалые щёки и крупный волевой подбородок ершились колючей щетиной.

У печи возилась жена – стройная, небольшого роста женщина. Её загорелое лицо было серьёзно и озабоченно. Высокий лоб был прикрыт белым, туго повязанным платком. Низко опущенные надбровные дуги почти не имели волосяного покрова, серые глаза разделял прямой тонкий нос. Дарья готовила обед для большой семьи. Её, привыкшие к работе руки, были

перепачканы мукой. Раз в неделю она разводила в небольшом чугушке опару на сушёном хмеле, замешивала в широком чане тесто, потом трижды, когда тесто подходило, перемешивала его и выпекала хлеб – восемь больших румяных караваев.

От прогоревшего кизяка и первых, поставленных в печь хлебов, на всю избу шёл дурманящий, первобытный дух человеческого жилья. Василий любил в такие дни сидеть дома и наслаждаться этим – ни с чем несравнимым счастьем домашнего пребывания.

– Я вот всё думаю, Вася, – заговорила Дарья, орудуя ухватом в загнетке. – Убрать бы икону надо, а то, не ровён час, донесёт кто, тогда беды с ней не оберёмся. Спрятал бы ты её куда-нито от греха.

– Да полно тебе, мать, кто донесёт-то? – нехотя отозвался Василий, не отрываясь от газеты.

– Как кто? – Дарья разогнулась, уперев ухват рогами в пол. – Да твой же друг, Королёв, и донесёт. Анчихрист проклятый!

– Да что ты, Даша, взъелась на него?

– Что взъелась, говоришь, а за каким таким делом он даича в Озинки ездил? Думаешь, за мармаладом?

– Когда это он ездил?

– Да перед самой Троицей, аль не помнишь? Тут работы у всех – не успевали управляться, а ему в район приспичило, лошадь ему давай. И аккурат через неделю приехали эти – в фуражках, и тётку Матрёну увезли вместе с её иконами.

– Это Перетятко, что ли?

Василий оторвался от газеты и поглядел в окно. На выгоне под кустом куровника лежал сомлевший от жары ворожбетихин бычок, и тонким облепленным репьями хвостом лениво отбивался от назойливых мух.

– Её, конечно, а то кого же? Она церковные иконы у себя держала, говорят, в сарае – в сене прятала. А твой Королёв всё возле представителей этих, что из района приехали, тёрся. Вот и думай...

Василий поднялся с табурета, задвинул его ногой под стол и, подойдя к иконе, остановился в нерешительности. Пристальный взгляд Богородицы смущал его. Опустив глаза, он обхватил икону руками и, как будто взвешивая, слегка приподнял её.

– И то правда, – как-то неуверенно произнёс он. – Вот времена настали. Только куды ж её, этакую дуру, спрячешь? Всё равно найдут. Разве что закрасить?

Тонким деревянным садником Дарья вынула из печи горячий каравай пшеничного хлеба, покрытый золотистой корочкой, и выложила его на стол. Затем, смочив в холодной воде ладонь, огладила его горячую поверхность и накрыла хлеб чистым рядном, оставив «отдыхать». Сытный духмяный аромат свежего хлеба ударил в ноздри Василию.

– Тогда уж лучше на дрова её истопить? – предложила Дарья, утирая концом платка вспотевший лоб.

– Да какие там дрова из крашеной доски? – отмахнулся Василий, сглатывая аппетитно слюну. – Угар один! А доску жалко. Ты глянь, какая доска хорошая, – он перевернул икону и потряс ею перед глазами жены. – Можно куда-нито её приспособить.

Промокнув чистым полотенцем лицо и огладив руками передник, Дарья присела на лавку.

– Ну, тогда вот что, – подумав, сказала она. – Ты её, Вася, того – состругай её от греха. Доска-то и правда хорошая, на столешницу может пойти.

На том и сошлись.

Вынес Василий икону во двор, осмотрелся вокруг и, не найдя ничего более подходящего, пристроил её на гусиную клеть, подперев для устойчивости эту нехитрую конструкцию старыми вилами. Затем, пошабандав в тёмных сенях, вынес на свет плотничный сундучок и,

порывшись в нём, достал долото, шерхебель, фуганок и топор. Осмотрев разложенный инструмент, выбив деревянные клинья, удерживающие ножи в строгальниках, и поведя заскорузлым пальцем по затупившимся лезвиям, Василий принялся точить железные языки на большом каменном круге, посаженном на ворот. Точил долго, как будто нарочно тянул время, прикладывая полоски железа то одной, то другой стороной. После предварительной заточки, поплевав на замызганный обломок оселка, так же долго правил освежённые лезвия.

За это время, пропустив на сепараторе молоко, Дарья отнесла в погреб свежие сливки – для ссаживания. Затем, поставив на завалинку большую миску с горячей водой, взялась тщательно промывать чашу, барабан, лотки и сливочник сепаратора.

– Ты, Василий, прямо как на быка готовишься, – сказала она, видя неторопливую работу мужа.

– Да быка-то, пожалуй, легче забить, чем этакое сделать, – разгибая спину, ответил Василий и, скрутив сигарку, вдумчиво закурил. – Жалко, Даша, такую красоту губить, ей Богу... Картина!

– Жалко не жалко, а найдут – беды не миновать! Вон, сосед-то, Григорий, чего такого сделал? А где таперичи?

– Н-нда-а-а, – выпуская на усы дым, напрягся мыслью Василий. – Не дай Бог!

Собрав подновлённый инструмент, он подошёл к иконе, распростёртой перед ним на гусиной клети, как на плахе, и остановился, не решаясь начать своё дело. Что-то непонятное и неуловимое мешало работе и смущало его.

Этот упорный, пристальный взгляд. Да, взгляд! Спокойный, молчаливо укоряющий взгляд из темноты красочных слоёв, просветлевших на солнце, из далёкого и неизвестного ему прошлого, отринутого навсегда в кровавой борьбе, был устремлён на него. Очугуневшие вдруг руки не слушались.

Эта неожиданная заминка удивила бывшего красного конника, когда-то бесстрашно рубившегося с басмачами и поляками. «Что же это со мной?..» – подумал Василий и, потоптавшись вокруг иконы, вернулся в хату. С ухватом в руках жена хлопотала у чучала. Не оборачиваясь к мужу, Дарья поняла причину его возвращения, вздохнула и вытерла заслезившиеся от дыма глаза.

– Чего-то я как-то... не могу, Даша. Как-то не того... – как будто стыдясь своей нерешительности, невнятно произнёс Василий и, посмотрев, словно впервые, на свои заскорузлые руки, добавил. – Не поднимаются. Чуешь?

Оторвавшись от печи и взглянув снизу вверх на мужа, растерянно топтавшегося у порога, Дарья подошла к нему, дотянувшись рукой до плеча и, взглянув в его большие чёрные, повинно опущенные глаза, твёрдо и вразумительно сказала: «Грех, конечно, большой, но иначе нельзя, Вася. Погубит она нас, всех погубит, если кто зайдёт да увидит. Ты же коммунист. Посадят тебя, а нам как потом жить? Об детях подумай». Помолчав, добавила: «Ну, ведь не корову же забиваешь?»

– Не корову. – выдохнул Василий и, переступив с ноги на ногу, повернул на выход.

Подойдя к иконе, он виновато посмотрел на образ, провёл по разогретой на солнце доске своей работной, умозоленной рукой, словно оглаживая корову перед дойкой; осмотрелся по сторонам и тайно перекрестился. Безмолвно лежащая Богородица смиренно ожидала своей участи. Её скорбные глаза, всё понимающие и всё знающие заранее, уже простили своего казнителя – запуганного русского мужика Василия, беспощадной большевистской борьбой доведённого до этакого греха.

Тяжело поддавалась икона. Красочные слои и пропитанный олифой левкас от времени окаменели. Лезвия инструментов тупились, скользили по гладкой поверхности доски, издавая щемящий звук и оставляя царапины на краске. Приноровившись, Василий стал наскрести верх-

ний слой топором, затем долотом, мелкими ударами отколупывал, как яичную скорлупу, слой левкаса, раздирая льняную подложку, и вновь топором выскабливал до чистой доски.

Пока муж трудился во дворе, Дарья управилась с печью. Наварила на десять ртов в большом чугуне затирухи, натомила на молоке с мукою и луком куски свежей шуки, напекла на неделю хлеба, а на опальном жару, вдогонку, испекла пирогов с паслёном. Мужа она не торопила, зная, что пока он не закончит своё сатанинское дело, от работы не прервётся.

Умаялся Василий, пока дочиста не зачистил, не снёс с доски святой лик. Устал, словно коровью тушу разделявал, рубаха на нём взмокла, густые усы запорошила белая, меловая пыль. Смахнув с тёмной, старой древесины последнюю тонкую стружку, оставленную фуганком, Василий направился через огород к речке, на ходу снимая выгоревшую, в соляных разводах, мокрую рубаху.

Спустившись к мосткам, сбросив портки и чирки, кинулся в спасительную прохладу реки и, вымахивая руками как оглоблями, переплыл на противоположную сторону. Не выходя совсем из воды, присел на отвалившийся от берега ком земли и надолго замер в неподвижности, наблюдая, как медленное течение уносит из-под ног поднятую илистую муть. Осмелевшие мальки шныряли у самых ног, не видя никакой для себя опасности. Василий вспомнил о детях, вот так же вертящихся возле ног, когда он вечерами садится отдохнуть на тёплую, ещё не остывшую от дневной жары завалинку. Ещё ему вспомнилось оставленное навсегда в другой жизни и другой земле родное село Жеребец и извилистые берега неглубокой речки, протянувшейся тонкой змейкой до самого Гуляйполя. Вспомнился и большой скалистый остров на Днепре, который он видел однажды, когда отец привозил его в Александровск. Отец называл этот остров Запорожской Сечью. Много времени прошло с тех пор, как вся многочисленная семья Терентия переехала за Волгу в сухую краснозёмную степь. Две войны пронеслись смертельным, опустошительным вихрем, два великих голода выкосили Поволжье за это время. И вот новый невидимый страх стал вползать в дома и души людей, и уже негде было от него затаиться.

Василий тряхнул головой, пытаясь освободиться от нахлынувших воспоминаний, но всё-таки что-то тяжёлое, засевшее где-то глубоко внутри, ещё давило и не отпускало, словно упрекая его в том, что сделал он нехорошее и даже постыдное дело. Он не знал, как будет объяснять старому отцу необходимость содеянной работы, и ему заранее было стыдно.

На противоположном берегу реки показалась Дарья. Она спустилась по земляным ступеням к реке, волоча за собой тяжёлую, замотанную в шибала, длинную связку. Развернув на мостках лохмоть, жена достала винтовку, припрятанную ещё с Гражданской; широко размахнувшись, закинула её в самую середину реки. Туда же – вслед – полетели две шашки в обтянутых чёрной кожей ножнах. Один из клинков, вероятно, выскользнул из ножен – они медленно всплыли и едва покачивались на мелкой водной ряби, уносимые течением.

Василий молча наблюдал за действиями жены, отрешённо застыв в неподвижной позе, не имея сил возразить и не испытывая желания сожалеть об утраченном оружии.

– Уж всё сразу – заодно! – объявила мужу Дарья, махнув рукой вслед уплывающим ножнам. – Айда обедать!

Казаки

Казачий род Польшинных, по семейным преданиям, вёл своё начало от казака Ярёмы, служившего в середине семнадцатого века в Запорожском войске, в Чигиринском полку, в Медведовской сотне, о чём имеется запись в реестровой переписи от 1648 года. С тех пор уже три века потомки чубатого казака Ярёмы служили России верой и правдой. Но ещё раньше Ярёмы в 1581 году в полковых списках казачьего войска под такой же фамилией значился некий Андрий из Турова.

По Андрусовскому перемирию 1667 года между Московским государством и Речью Посполитой, разделившему запорожские земли по Днепру, на левый берег перешли казаки, пожелавшие служить московскому православному царю. Западное, правобережное казачество оставалось подконтрольным Польше, пока через пять лет поляки не отдали казаков крымскому хану.

Левобережные казаки, с разрешения царя Алексея Михайловича, стали осваивать, заселять земли южных границ Московского государства, ставшие впоследствии территорией Харьковской, и Екатеринославской губерний. Возникали новые поселения и слободы, давшие через десятилетия начало многим городам и местечкам. Ожилась широкая, доселе безлюдная, дикая степь, раскинувшаяся между Днепром и Азовским морем, а Запорожское казачье войско стало именоваться слободским, то есть набранным из свободных поселян. Слободские казачьи полки надёжно охраняли границы России от набегов крымских и ногайских татар.

От века так повелось: передавали отцы сынам науку казацкую.

Сто лет ещё слободские казаки вместе с русской армией принимали участие в сражениях с турками под Чигирином и под Азовом, штурмовали Очаков и бились с пруссаками при Гросс-Егерсдорфе в Семилетней войне, пока царицынским указом слободское казачье войско не было упразднено, и светлейшим князем Потёмкиным не переформировано в регулярную кавалерию.

Стали Запорожские казаки российскими гусарами, уланами и драгунами. Кавалерийские полки: Ахтырский, Харьковский, Сумской, Изюмский и Чугуевский – покрыли себя славой в многочисленных битвах и сражениях Суворовских и Наполеоновских войн.

Крепостного права и помещиков казаки не знали, обрабатывали свои наделы, а кому приходил черёд, шли на военную службу. Семьи на Руси всегда были большие, многодетные. Рожали казачки детей – не считали, а сколько Бог посылал, без оглядки на то: всех ли прокормят, оденут, на ноги поставят.

История знает много примеров гибели великих государств и империй, рассыпавшихся в прах под натиском диких орд. Все они, достигнув пика своего могущества, погружались в праздность и удовольствия. Тяжёлая работа отдавалась рабам. Томясь в развлечениях, молодёжь не стремилась создавать семьи и рожать детей, и не замечала, что защищать и обеспечивать такое беззаботное существование становилось некому. Жизнь казалась прекрасным и бесконечным наслаждением, пока однажды у ворот города не появлялся враг – дикий и сильный...

Жеребец

Большое торговое село Жеребец Александровского уезда, Екатеринославской губернии, возникло на месте запорожского зимовья, располагавшегося на правом берегу реки Конка при впадении в неё тонкой и извилистой речки Жеребец. Дальше на юг, до самого моря, степь была пуста и безлюдна из-за частых набегов крымских татар. В 1770 году на месте зимовья началось строительство Кряжевой крепости, входившей в состав Днепровской укрепленной линии. Следы тех редутов ещё угадываются в контурах полей, окружённых густыми рощами, что растут на высоких холмах западной окраины Юрковки – соседнего села, бывшего аула, прилепившегося к Жеребцу по левому берегу Конки. С тех холмов на многие километры открываются необозримые зелёные дали, обильно поросшие высоким кустарником. Строители крепости, а так же отставные солдаты обустранивались и селились тут же, возле крепости. Так возникла военная слободка Жеребец, где на средства государства было сооружено 47 хат. Отставные солдаты получали земельные наделы и правительственную ссуду для приобретения лошадей и инвентаря. С 1798 года слободка была преобразована в село, а жители переведены в разряд военных поселенцев. В сорока верстах к востоку, где речка Жеребец брала своё начало, таким же незатейливым образом и в то же самое время возникло другое, прославившее себя в истории, село Гуляйполе.

В начале девятнадцатого века в село Жеребец были переселены несколько десятков семей государственных крестьян из Полтавской губернии. К сороковым годам уже 10 тысяч десятин земли вокруг села были переданы офицерам и чиновникам, пожелавшим осесть в сём благословенном месте после выхода в отставку. В те же годы в окрестностях поселилось немало однодворцев и «чиншевой» шляхты, которые тоже получали земельные наделы. Значительная часть земли была отдана правительством государственным крестьянам. К югу от села, в сторону Мелитополя – свободные земли заполнили многочисленные немецкие колонии, а на восток от Гуляйполя степь пестрела еврейскими хуторами.

По первому переделу земли, который состоялся в селе в 1862 году, на каждую ревизскую душу пришлось по 8,5 десятин земли. Второй передел 1870 года проводился уже не по ревизским душам, а на всё мужское население села. И вышло тогда на одного человека по 4,4 десятины пахотной и 0,16 десятины приусадебной земли. С 1891 года крестьяне перешли на подворно-наследственное владение землёй. Подворными считались хозяйства, в которых были мужчины, внесённые в регистрационные списки до 1870 года. Им нарежали по 5 десятин земли. Мужчины, родившиеся после 1870 года, не имели права на подворный надел, и получали только по одной десятине. Последующий передел 1897 года сократил эту долю до 0,75 десятины.

Жители села, как и все государственные крестьяне, за пользование казёнными землями платили подушную и оброчную подати, отбывали рекрутскую повинность, заменённую 1874 году всеобщей воинской обязанностью.

Четыре раза в год в селе Жеребец проводились ярмарки, на которых торговали мануфактурой, бакалейными и промышленными товарами, сельским инвентарём, хлебом, скотом, лошадьми, товарами гончарного и кожевенного промысла.

В этом самом селе, в предпоследнюю зиму уходящего девятнадцатого века, родился у Терентия Тимофеевича Польшина шестой ребёнок. При совершении обряда крещения в сельской церкви Святого Николая с младенцем, наречённым Василием, случился конфуз, впрочем, не такой уж и редкий в подобной ситуации. Когда батюшка окунул младенца в купель, невинное дитя, от неожиданности, пустило струю, ответно окропив своего крестителя.

В десять лет Василий пошёл учиться в земскую школу, но было то учение недолгим. Через два года, испытывая нужду в прокормлении большой, в шестнадцать человек, семьи,

отец забрал сына из школы и отдал в подпаски к зажиточному хозяину, у которого три последующих года Василий пас телят, возил на быках сено, прибирал в скотниках и на базу. Старшие братья Василия – Петро и Павел, батрачили в соседнем немецком хуторе Блюменфельд, оттого виделись редко, по большей части зимой. Дома с отцом работал самый старший из сыновей – Степан, уже отслуживший свою службу и женившийся на статной и смуглолицей красавице – Клавдии Болтуновой. Две старшие сестры: Анна и Елена помогали матери по дому, а вечерами собирались с подружками во дворе у соседей, заглядывали в раскрытые окна, из которых доносились голоса собравшихся в хате молодых парней и нарочито громко смеялись, лузгая семечки из принесённых с собой головок подсолнуха.

– Пора дочкам приданое собирать, – всякий раз говаривала мужу Ульяна, когда разговор заходил о детях. – Выросли наши дочки – чисто, невесты. Вскорости, гляди, сваты пожалуют...

– То верно, – соглашался Терентий. – Выросли дивчины, в самую пору входят. А Воскобойников-то старший нашей Анне люб.

– Хороший парень, смирный, работающий – в отца Ивана. Только бы сложилось всё у них.

– И не гляди – сложится. Анна – девка видная, всё при ней. И по дому, и хозяйству всё умеет, и Елена не хуже неё.

Младшая дочь Полина была при матери, училась стряпать, шить, вязать. Самым младшим в семье был сын Филипп.

Довеском к большой семье Терентия Тимофеевича была его вдовая сестра Степанида с двумя дочерьми. Старшая из её дочерей, став молодницей, вышла замуж и переехала к мужу в соседнее село Юрковку, а младшая – Татьяна, ровесница Анны, девичьи посиделки не любила и находилась всё больше при матери.

Реформа

Всё хозяйство Терентия Тимофеевича состояло из восьми десятин земли, двух лошадей и двух коров. Этого было недостаточно, чтобы прокормить большую семью, потому и батрачили старшие сыновья, чтобы помочь отцу сводить концы с концами. Таких хозяйств в селе было четыре сотни дворов, а сотни полторы дворов жили очень бедно, не имели ни земли, ни скотины. И только семьдесят дворов считались зажиточными, владевшими большими земельными наделами, доходившими до ста и более десятин.

Поздней осенью 1906 года, вследствие первого указа царя о праве выхода из общины с наделом земли, собрались на сельском майдане несколько сотен разорившихся крестьян и стали требовать – отобрать землю у богатых и отдать её бедным. Зачинщиков митинга: школьного учителя Ковтуна, бедняков Кислицу и Калениченко арестовали и отправили в Александровскую тюрьму. Между тем, правительство изыскивало меры, чтобы погасить напряжённость в народе. Бывший двадцать четвёртый губернатор Саратовской губернии – первый министр правительства России – Пётр Аркадьевич Столыпин считал, что причина бедственного положения крестьян, а, следовательно, причина их постоянного недовольства кроется в общинной форме владения землёй. Нужно было, во что бы то ни стало, сменить форму собственности на землю.

«Дикая, полуголодная деревня, – говорил Пётр Столыпин, – не привыкшая уважать ни свою, не чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности – всегда будет представлять собой горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу».

Вскоре заговорили о земельной реформе. Столыпин предлагал наделять вышедших из общины крестьян отрубам, то есть земельными наделами в 20–30 десятин для ведения единоличного хозяйства. Он твёрдо верил, что это единственно верный путь к благополучию крестьян, но, как доказала жизнь, ошибался.

Равнинный, спокойный и однообразный ландшафт заволжских степей позволял наделять крестьян отрубам, уравнивая всех перед силами природы. В Новороссии ситуация была иная. Неоднородность ландшафта, то есть наличие пониженных и повышенных участков пашни и лугов, создавало большую зависимость урожая от погодных условий. При общинной форме владения землёй эта зависимость выравнивалась за счёт того, что крестьянские наделы (полоски) были разбросаны по разным местам общего поля, как лоскуты большого одеяла. Собранный же воедино отрубной крестьянский надел мог оказаться, как на высокой, так и на низкой земле, что было крайне рискованно. В дождливый год заливало низины, и урожай погибал; в засуху сгорали хлеба на верхних участках. В результате возникало много отказных земель.

Помимо проблемы аграрной в крестьянской среде возникла новая, социальная линия раскола и вражды. Вековые общинные традиции поведения и уклада жизни русского крестьянства не принимали новых форм существования человека в обществе. Общинники боролись с выделенцами всеми возможными способами, начиная от косых взглядов и кончая поджогами. Детей отрубщиков не пускали в школы, молодых не венчали в церкви, запрещали пользоваться колодцами, реками, прудами. В итоге – к 1910 году выход крестьян из общины замедлился. Видя такое торможение в народе, правительство в том же году издало закон об обязательном выходе крестьян из общины.

Зашевелилось крестьянство в центральных областях России и Новороссии. Бедняки продавали остатки своих земельных наделов по тридцати рублей за десятину и освобождались от всех недоимок и податей. В специально созданном Крестьянском банке брали подъёмные ссуды для переезда на новое место жительства, в Переселенческих управлениях получали необходимые документы, приобретали по низким ценам железнодорожные билеты и, загру-

жившихся в вагоны, названные впоследствии «столыпинскими», вмещавшие сорок человек и восемь лошадей, отправлялись на восток – в Поволжье и Сибирь.

Были и такие, что шли своим ходом – впрягали в повозки лошадей, быков и даже коров, катили большие, похожие на арбу, тележки. По тёплому, растрескавшемуся от палящего солнца чернозёму семенили босоногие чумазые дети. Однако не всем крестьянам реформа помогла наладить жизнь. Многие, получившие право выхода из общины, продали свои наделы и, промотав вырученные деньги, пополнили ряды пролетариев, ожидавших своего исторического часа.

Младший брат Терентия, продав свою долю отцова наследства, с первой волной переселенцев отправился в Сибирь, с тех пор от него не было никаких известий. Терентию Тимофеевичу, покинувшему общину зимой одиннадцатого года, в надел досталась отказная земля на лысых холмах за большой и ветвистой Белоглинской балкой. Последовавшие за этим два неурожайных года вконец разорили и без того небогатое хозяйство Полининых.

А ещё через год массовое переселение на восток безземельных крестьян в селе прекратилось, многие, не найдя счастья в чужих краях, вернулись обратно. Кто-то шёл в батраки, кто-то нанимался в многочисленные мастерские и кузницы, а многие – на построенный перед войной промышленником Заславским машиностроительный завод, выпускавший сельский инвентарь: бороны, плуги, сеялки, косилки-молотилки и телеги. Приезжали на этот завод опрятно одетые немцы из своих экономий, обхаживали, осматривали выпущенную заводом продукцию, оценивались и охотно покупали.

Война

Россия, начавшая свой исторический разбег от реформ Петра, к концу девятнадцатого века сделалась могущественной европейской державой, достигнув лидерства в экономике, научных и культурных сферах. Российский рубль стал главной европейской валютой. Природные богатства России ставили её вне конкуренции среди мировых держав. Это обстоятельство очень беспокоило Англию. Всегда завистливая и коварная, озлобившаяся на весь мир после поражения в Столетней войне, Англия не могла примириться с таким положением вещей и стала подталкивать промышленно развитую, но обделённую ресурсами Германию к войне с Россией. Для Англии такое поведение было не ново: она всегда предпочитала «загреть жар» чужими руками, создавая для этого союзные ей коалиции.

В последний июльский вторник 1914 года началась Русско-германская война, превратившаяся, в скором времени, в мировую.

На волне патриотического подъёма чётко и организованно проходили в селе первые наборы резервистов, у мобилизационных пунктов выстраивались очереди добровольцев. Все были уверены, что война будет короткой и победоносной. Никто не догадывался, что с началом этой войны человечество вступало в новую – долгую и жестокую эпоху противостояния Добра и Зла. Немцы-колонисты, опасаясь погромов, затаились в своих экономиях.

С первым набором был мобилизован и ушёл на войну старший сын Терентия Тимофеевича – Степан. На железнодорожной станции села простился Степан с родителями, братьями, сёстрами и женой Клавдией. Двое малых детей оставались у неё на руках. Вместе со Степаном ушли из села по первому набору ещё восемь сотен молодых мужиков и парней. Никто из них не думал, что война окажется долгой и кровавой, что она поглотит, перемешает их с землёй и грязью в болотах и лесах Литвы, на тоскливых равнинах Польши, лесистых горах враждебной Галиции.

Роковой для России ошибкой было то, что в течение первых месяцев войны, применяя устаревшую тактику широких фронтальных атак, делая упор на храбрость и умелость русских солдат, не учитывая возросшую мощь автоматического огнестрельного оружия и артиллерии противника, она потеряла три четверти своей кадровой армии и офицерского состава. Прямым следствием этих тяжёлых потерь стали усилившиеся к 1917 году брожения в армии, свершение Октябрьского переворота и приход к власти в России большевиков.

Тяготы затяжной войны легли на плечи резервистов и новобранцев. Применение мощных огневых средств заставило пехоту зарываться в землю. Перед новым мощным оружием – пулемётом ещё не было придумано и создано противодействующей силы. Лучшая в мире русская конница утратила свою ударную роль. Артиллерия за день выстреливала предписанную штатом месячную норму снарядов. К концу 1914 года все воюющие стороны стали испытывать снарядный голод. Линия фронта на какое-то время стабилизировалась. В марте 1915 года русские войска овладели крепостью Перемышль, взяв много пленных и артиллерии. В мае, пользуясь бездействием Франции и Англии, немцы собрали в южной Польше новую армию и прорвали фронт. Русская армия стала медленно, но неуклонно отходить на восток. Союзники могли бы помочь России, активизируя свои действия, но не сделали этого...

Тяжёлым был для России 1915 год. Год несбывшихся надежд, как его называли, и тяжёлых поражений. Начавшееся под Горлицей немецкое наступление, к концу лета вышло на линию: Рига – Двинск – Барановичи. Потoki беженцев заполнили города и селения. Остро ощущалась нехватка эшелонов для переброски войск и вывоза раненых. Цены на хлеб поползли вверх. Не было уверенности, что германцев удастся задержать на Днестре. Надвигалась военная катастрофа. Зашевелились, сидевшие до сих пор тихо, немецкие колонисты.

Цели и смысл войны, получившей название «Великой», до вступления в неё Турции, были непонятны широким слоям русского общества, а количество понесённых жертв казались неоправданными. После того, как Турция вступила в войну на стороне Германии, сама собой обозначилась для России заветная стратегическая цель – взятие Константинополя и установление контроля над черноморскими проливами. Необходимость же этой войны, с точки зрения западного мира, как врагов, так и «союзников», состояла в том, чтобы подорвать экономически, ослабить физически и, самое главное, расколоть на составляющие огромную мировую державу, какой была Россия в начале XX века.

Для выполнения поставленной западным миром задачи все средства были хороши, и немцы приступили к расшатыванию России изнутри. Ещё в 1914 году в Германии был создан «Комитет освобождения евреев России». Находящийся в эмиграции Ленин в сентябре 1915 года заявил, что в случае своего прихода к власти в России, будет согласен заключить с Германией мир на приемлемых для неё условиях. На создание и подготовку революционных организаций, даже из числа военнопленных, правительство Германии выделило более шестидесяти миллионов марок.

Понимая, что потеря Украины лишит Россию статуса мировой державы, они отфильтровывали из сотен тысяч военнопленных – украинцев, создавали им лучшие условия содержания, лучше кормили и формировали из добровольцев вооружённые подразделения. Так уже весной 1915 года русские войска столкнулись в Карпатах у горы Маковка, с батальоном украинских Сечевых стрелцов.

Летом 1915 года Берлин и Стамбул пообещали автономию Грузии, в августе того же года был сформирован первый финский батальон, а вечно обиженная на Россию Польша с маниакальной настойчивостью мечтала вернуть не только свою утраченную независимость, но и былое величие.

Тогда, в самом тяжком для России году никто не мог себе представить, что борьба с западным миром растянется на десятилетия и даже столетия, что будут в этой войне и горячие, и холодные стадии, что и через сто лет Россия продолжит бороться, отстаивая свою самостоятельность. Принятые тогда решения и состоявшиеся события, предопределили дальнейший ход всего XX века. Именно в 1915 году решался главный вопрос: в каком направлении будет идти Россия – к победе или революции? Не приняв радикальных изменений в стратегии войны и не решившись на серьёзные изменения во внутренней политике, Россия избрала в 1915 году путь к революции.

Колонисты

Взойдя на российский престол 1762 году, Екатерина обратилась к своим землякам с призывом – ехать в Россию и заселять свободные южнорусские степи, получая бесплатно земельные наделы. Множество немецких семей из Пруссии, Австрии, Богемии откликнулись на этот призыв.

Для скорейшего освоения безлюдных степей Екатерина дарила свободные земли также русским помещикам, отличившимся генералам и офицерам. Таким образом, в конце 18 века все земли вдоль рек были уже заняты.

В 19 веке колонисты получали от государства по 60 десятин земли на двор. Не умевшие управляться с землёй помещики, продавали свои обширные угодья, а колонисты охотно их покупали. В колониях вся земля, как и в русских поселениях, принадлежала общине. В хуторах земля была частная. Только в отличие от русских общин, у немцев земля не дробилась при каждом переделе, а переходила от отца к старшему сыну. Таким образом, немецкие хозяйства не разорялись, а лишь преумножали своё состояние.

В Жеребечкой волости было два немецких поселения: Екатеринфельд и Розенвейт, неподалёку, по реке Малой Камышеватке находилась экономия Обидинная, по реке Конке вверх по течению стоял хутор Блюменфельд, а всего в Александровском уезде в начале века проживало более семисот немецких семейств, что составляло два процента от общего населения. Из выставляемых каждый год на продажу помещичьих земель, немцами скупалось больше половины, что вызывало недовольство местного населения.

В конце 1914 года в Государственной Думе уже шли разговоры о конфискации земли у немецких колонистов и передаче её русским крестьянам. Издавались книги и листовки с антинемецким содержанием. Министерством внутренних дел по всем губерниям был разослан циркуляр о переименовании немецких названий селений на русские. С февраля 1915 года на Дону начался процесс отчуждения земель у немцев, весной он охватил весь юг России. В сельской местности распространились самовольные захваты земли, грабежи и поджоги.

Министр внутренних дел Хвостов требовал передачи земель, отобранных у немцев, в Крестьянский банк для награждения ею русских офицеров и солдат. В Новороссии имели место факты массового лишения собственности немецких колонистов.

В начале февраля 1915 года Думой был принят закон «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в Русском подданстве германских выходцев». В соответствии с этим законом, уже летом были выселены все немцы, проживавшие западнее Днепра. Ждали своей очереди и левобережные колонисты.

Решение

Терентий Полыннин вместе со своим соседом Иваном Воскобойниковым уже дважды ездили в Александровск, в администрацию уезда – узнавать: скоро ли будут раздавать немецкие земли, и какова будет норма. В Переселенческом управлении им посоветовали не дожидаться, пока подойдёт очередь Александровских экономий, тем более что земля, скорее всего, отойдёт банку, и её придётся выкупать. Озадаченным ходакам предложили ехать в Поволжье, в Новоузенский или Николаевские уезды, где тоже было много немецких поселений, ожидающих своей участи, но земля там самая дешёвая в России. Предусматривались и льготы для переселенцев: освобождение на пять лет от налогов, прощение всех недоимок, предоставление беспроцентной ссуды на 100–400 рублей для обустройства на новом месте.

Вернувшись домой, ходаки поведали своим соседям всё то, что они слышали и узнали в уезде. На следующий день на площади у церкви собрался стихийный сход, народ долго обсуждал предложение уездной администрации, взвешивая все «за» и «против», приводя обстоятельные и, казавшиеся важными, доводы. Одни возлагали на переезд большие надежды, видя в нём единственный выход из бедственного положения, другие, махнув рукой, расходились по домам.

Тяжело принималось решение.

Даже ночью, выйдя из душевой хаты во двор, Терентий долго прислушивался к усыпляющему стрекотанию сверчков и редкой переключке собак, доносившейся с дальних концов села. Внимательно, будто в первый раз, разглядывал он Божью дорогу на звёздном небе, веками сопровождавшую чумацкие тракты. Почему-то вспомнилось детство, весёлая рыбная ловля в тогда ещё полноводной речке Жеребец, вспомнились молодые отец и мать.

Взгляд Терентия устремился на запад – туда, где под чёрным небосводом затаилось во тьме соседнее село Юрковка. В иные ночи его белые хаты в отражённом холодном свете луны, представляли собою причудливые нагромождения огромных каменных блоков, покрывавшие весь левый берег Конки. Вспомнилась давняя вражда между сёлами, существовавшая с незапамятных времён и казавшаяся ему теперь глупой забавой мирного времени. В основе многолетней вражды было то обстоятельство, что население Юрковки сплошь состояло из малороссов, а в Жеребце, преимущественно, жили русские. Но, несмотря на старую междоусобицу, не проходило года, чтобы женихи с одного берега пограничной реки не отправляли бы сватов на другой берег...

Пролетевшая над головой летучая мышь, прервала воспоминания Терентия. «Тьфу ты, нечистая сила!» – выругался он, сплюнул и перекрестился. Ещё какое-то время Терентий оставался на месте, осматриваясь вокруг. Всё, что он мог разглядеть в ночи, теперь показалось ему каким-то особенно родным и близким, что щемящей тоской и сердечным трепетом отзывалось в его душе. «Как же это можно всё оставить? – думал он. – Всё бросить и ехать неизвестно куда – за Волгу, в голую степь». Так и не утвердившись в своём решении, растревоженный тяжёлыми мыслями, Терентий вернулся в хату, тихо подошёл к кровати и лёг, стараясь не разбудить жену. Постепенно терзавшие его думы притупились и он заснул.

Только начавшееся второго мая наступление немцев под Горлицей и прорыв фронта отсекали последние сомнения.

Сошла талая вода, досыта напоившая разбухший чернозём полей, прогрелись и окрепли глубокие борозды дорог, на просохших гуртах под тёплыми лучами весеннего солнца отцвели лазоревые цветы – тюльпаны, обдуло весенним ветерком белые вишни в садах и прилетевшие с юга аисты уселись в свои широкие гнёзда.

Терентий Тимофеевич выправил в волостном правлении подорожные бумаги и предпринятия, и со всем своим семейством, состоящим из десяти человек, двинулся на восток. Взятую

с собой поклажу: сельскохозяйственный инвентарь, провизию, плотницкий инструмент, зерно, семена, посуду, самовар, запас одежды и дедовские иконы – погрузили на две крытые телеги. Дедовская хата и двор были оставлены на старшую дочь Анну. Её муж – Василий Воскобойников, сын соседа Ивана, только месяц назад был призван в армию. Вместе с Анной дожидаться своего мужа – Степана осталась и невестка Клавдия с двумя своими детьми. Согласно действующему закону, семьи ушедших на войну мужей или отцов получали из казны «кормовую норму», составлявшую три рубля в месяц. Этой суммы хватало, чтобы семья не умерла с голоду.

Вместе с семейством Полиных отправились на восток – искать счастья в иных местах ещё тринадцать дворов: Воскобойниковы, Кулыбо, Перетяtko, Жидковы, Пасько, Гринёвы, Старосвитские, Фидря, Девятко, Балакшины, Твердохлебовы, Носенко и Морозовы. Терентий Тимофеевич, избранный земляками в «походные атаманы», возглавил растянувшийся на полверсты, медленно бредущий обоз крытых повозок.

Каждый, кто оставил в то утро свой дом и отправился в дальнюю дорогу – навстречу солнцу, уносил с собой в душе тяжкий груз расставания с насиженным веками местом и робкую надежду на лучшую жизнь в неведомых краях. Никто не знал, как эта новая жизнь сложится, какую «обетованную» землю каждый из них обретёт в конце своего пути. Но ещё более никто не мог знать и предположить, что всего через пятнадцать лет отнимут большевики обещанную крестьянам землю, сгребут народ с отдельных хуторов в новые общины и назовут их колхозами...

Ну, а пока пестрела южнорусская степь крестьянскими кибитками, её колеблющаяся в полуденном зное тишина наполнялась скрипом колёс и голосами детей, бегающих босиком по горячей земле. Тягучим ароматным дымом вечерних костров покрывалось розовеющее в лучах заходящего солнца море волнистого ковыля. Неторопливо тянулся по приазовским степям и по белёсым равнинам Придонья длинный обоз односельчан. Миновали Докучаевск и Белую Калитву, и во второй половине мая обозники вышли к Царицыну. С высокого правого берега реки открылся селянам вид на Волгу. Впервые Василий увидел великую реку, и дух захватило от простора, которому не было конца и краю. На северной окраине города, поставив телеги и кибитки в круг, разбили табор, дали отдых животным, запаслись в городе провиантом и отметились в Переселенческом управлении. Через два дня, отдохнув и накупавшись в Волге, переселенцы продолжили свой путь. От Царицына дорога пошла на север по берегу Иловли, через Петров Вал – до самого Саратова.

Степь

Моста через Волгу в Саратове в ту пору не было. Для переброски грузов и людей имелись разного рода переправы: паромная – для железнодорожных составов, паромная – для пассажиров и гужевого транспорта. Зимой такие перевозки обеспечивали «Саратовские ледоколы», а их капитаны звались «капитанами поперечного плавания». Летние пароходы были двух типов: «Первый» перевозил пассажиров, «Четвёртый», имевший с двух сторон открытую палубу, загружался повозками и, не разворачиваясь, ходил то берега до берега, причаливая обеими сторонами. Большие гребные колёса бесстрастно и шумно шлёпали по воде своими лопастями в обоих направлениях.

От Покровска, что располагался на левом берегу Волги напротив Саратова, была проложена железная дорога в сторону Уральска. Дорога эта была своеобразной границей между нижним и средним Поволжьем. Нижнее Поволжье широкой, стокилометровой полосой уходило на юг до Царицына, а среднее – на севере упиралось в самарскую излучину Волги и простиралось на восток до Синих гор, протянувшихся длинными пологими отрогами южного Урала от Бузулука до запылённой и продуваемой всеми ветрами станции Озинки. Эти степные увалы Общего и Синего сыртов, прозванные в народе Синими горами, были границей, за которой начиналась Оренбургская лесостепь. На юг за Озинками до самого горизонта лежала голая и ровная, как стол, почти безжизненная Уральская степь.

Но была и другая особенность у этой территории – её стратегически важное расположение на соединении Европы и Азии. Через этот условный степной треугольник, примыкающий к Волге, проходили все торговые и военные пути многочисленных кочевых народов. Этот природный коридор, расположенный между пустынными, сухими степями прикаспия и залесёнными предгорьями Урала и средней Волги, соединяющий Восток и Запад, веками оставался ничейной землёй. Сменялись, пронеслись по ней одна за другой, волны кочевников, не оставлявшие за собой никакого следа.

С победоносного похода царя Ивана Грозного на Казань, земли, лежавшие между реками Яиком и Волгой, отошли к Московскому государству. В 17-ом веке пришли на Яик казаки, построили первую крепость на берегу реки – Яицкий городок. И стала степь русской землёй. А ещё раньше на правом берегу Волги появился небольшой городок Сары-Тау, давший название Саратову. Во времена царицы Екатерины степь активно стали заселять немцы-колонисты, тяготевшие обжиться ближе к Волге, да прощённые староверы-раскольники, скрывавшиеся со времён Петра в Польше. В отличие от немцев, они уходили подальше в степь, где строили свои скиты и монастыри.

Единственным значительным событием, всколыхнувшим спящую степь, было восстание Пугачёва. После разгрома пугачёвского войска степь на полтора столетия вновь погрузилась в сон. Проснувшись она от скрипа тележных колёс крестьян-переселенцев, пришедших обрабатывать её в начале 20-го века.

На новом месте

Переправившись через Волгу в начале лета, обозники продолжили продвижение на восток вдоль железной дороги, пока через неделю не добрались до станции Ершов, стоявшей на левом берегу полноводной Малой Узени. Пополнив на станции запасы воды, они стали табором близь села на берегу реки, разместив многочисленные повозки в тени широких вётел. Пока взрослые разводили костры, ставили большие закопченные котлы для варёва и развешивали на оглоблях наспех постиранную износившуюся одежду, подростки потянулись к воде, прихватив с собой рыболовные снасти. Погода стояла жаркая, сухая. Бабы с малышами купались поодаль, не мешая рыбакам. После обеда, состоявшего из свежей ухи, хлеба и купленного на рынке зелёного лука, летний зной быстро всех сморил. На короткое время лагерь затих.

Всё то время, пока народ отдыхал, Терентий сидел на берегу и, опутив ноги в воду, наслаждался её спасительной и умиротворяющей прохладой. Узень-река была полноводная, сильная – совсем не похожая на оставленный в прошлой жизни пересыхающий и зарастающий камышом Жеребец.

После отдыха и разговоров с представителями местной власти переселенцы узнали, что свободной земли в волости нет, из чего следовало, что путь ещё не закончен и предстояло двигаться дальше. Земляки долго спорили меж собой по поводу дальнейшего маршрута движения, но никак не могли прийти к общему мнению. Так прошёл день. Наконец, к вечеру табор разделился. На следующее утро пять дворов отправились вдоль узкоколейки на север в сторону Николаевска. Остальные продолжили движение на восток и через два дня пути вышли к селу Дергачи и станции Алтата. На просторной, занесённой песком и пылью площади среди низеньких саманных домишек, окружавших церковь, выделялось кирпичное одноэтажное здание волостного правления. Волостной старшина, порывшись в уездных инструкциях, объяснил новоприбывшим крестьянам, в какие населённые пункты и по каким дорогам им следует двигаться.

От села Натальино, что стояло в пяти верстах к северу от железной дороги, обозники снова разделились. Пять дворов продолжили путь на восток к указанному в бумагах селу Солянка, а четыре семейства: Перетятко, Полюнины, Жидковы и Воскобойниковы решили завершить своё кочевье у зелёных берегов реки Кривая Отнога, что, извиваясь дугой, уходила на север и соединялась с Чалыклой. По берегам Отноги располагалось в ту пору множество русских и немецких хуторов. До одного из них – хутора Новониколаевского переселенцы добрались на следующий день.

Хутор представлял собой довольно живописную картину. Десяток белых мазанок и приземистых хозяйственных построек тянулись вдоль реки, несколько добротных деревянных домов стояли у пруда, за ними виднелись амбары с обширными навесами. Поодаль, на отшибе, возвышалась деревянная мельница с широкими, затянутыми холстиной крыльями. Берега реки и пруда утопали в зелени густых, раскидистых вётел.

В отличие от малороссийских хат с их нахлобученными четырёхскатными камышовыми крышами, местные мазанки, с плоскими и толстыми земляными крышами были не столь привлекательны внешне, но больше соответствовали суровому степному климату.

Поселения немецких колонистов заметно отличались от русских сёл и деревень. Как правило, они вытягивались вдоль одной улицы, ширина которой составляла 30 метров. Непременным условием было наличие реки. Все придомовые участки или дворы были одного размера – 25 на 35 метров. Жилые дома строились из дерева, имели двускатную крышу и, как правило, возводились на две семьи. Хозяйственные постройки могли иметь фахверковую конструкцию.

Население немецких колоний нижнего Поволжья в основном было занято сарпиночным промыслом, приносящим немалый доход. В каждом доме стоял ткацкий станок, на котором

изготавливалась эта тонкая и нарядная ткань. Сами колонисты свои земли не обрабатывали, сдавали в аренду. Это обстоятельство, в значительной степени, удерживало местное население от стихийных самозахватов немецких наделов. Здесь за Волгой ещё не было случаев погромов колонистов, но о том, что происходило в западных областях, слухи доходили.

На хуторе Новониколаевском переселенцев встретили спокойно, без удивления и вражды, показали место, где могли бы они поставить свои дома. Было решено строиться вдоль реки, всем в ряд. В присутствии местного старосты разбили участки, разметили колышками контуры будущих построек. Женщины и дети занялись подготовкой земли под огороды, поспешая расчистить от дикой полыни и куровника заросшие участки, взрыхлить целину, и посадить привезённые с собой, семена тыквы, арбузов, фасоли, подсолнухов и разной огородной зелени.

Для строительства домов нужен был саман. Его делали сообща, для чего выкопали широкую, плоскую яму глубиной около аршина, на дно настелили соломы, потом набросали илистой земли и глины, сверху ещё добавили соломы; залили всё водой и, засучив штаны и взяв под уздцы лошадей, повели их по кругу – месить «тесто». Мальчишки, бегая вокруг ямы, подбирали в смесь пучки соломы и подливали воды. Общая работа поднимала всем настроение. Даже кони, слыша весёлые голоса людей, не требовали понуканий – сами шли по кругу, пронзая вязкое месиво острыми копытами.

Когда саманная смесь была готова, её брали из ямы лопатами и выкладывали в дощатые, деревянные формы. В это время перемазанная грязью детвора успевала сбегать на речку и купаться. Жаркое солнце быстро сушило большие, тяжёлые земляные блоки. Процесс изготовления самана повторялся снова и снова. Готовые, просохшие блоки укладывали штабелями против каждого двора.

Дней за десять непрерывного производства: подвоза вязкого грунта и старой, предоставленной соседями соломы, артельщики наготовили необходимое количество саманных блоков для строительства четырёх мазанок с пристройками для скота. Ещё две недели ушли на возведение стен. На станции в Дергачах покупали кирпич для печей, строительный лес для перекрытия, там же, у местных столяров заказывали рамы и двери для домов. К концу лета основные работы по строительству жилищ были завершены. В каждой избе были сложены русские печи. Хозяйки обмазали хаты внутри и снаружи глиной, выбелили стены известью и выскребли, выровняли земляные полы. Устелили их соломой, а сверху накрыли привезёнными с обозом домоткаными дорожками. За осень успели доделать скотники и, обкосив по берегам реки остатки травы, заготовить немного сена. Соседи-хуторяне, у кого были излишки кизяка, поделились с новосёлами ценным топливом.

С осени старшие сыновья Терентия – Петро и Павел пошли на подённую работу к местному зажиточному и крепкому хозяину Ивану Камерлову, имевшему в аренде немалое количество пахотной земли. За работу братья получали по полтиннику в день. Василия, отец определил работать на молотилке у Степана Мироненко, такого же, как и Камерлов, богатого и оборотистого хозяина. Василий трудился на току, на мельнице, помогал возить на станцию в Дергачи зерно, где хозяин сдавал его заготовителям. За работу сына Терентий Тимофеевич договорился брать с хозяина зерном, так как нужно было сделать запас до будущей весны для пропитания, а часть оставить на семена.

Первая зима была тяжела для переселенцев. Непривычно долгая, с лютыми холодами, пронизывающими ветрами и снежными метелями, заметавшими дороги и низкие мазанки по самую крышу, она нагоняла тоску. Порою у хутора не было никакой связи с внешним миром. Когда же погода позволяла, то новоиспечённые хуторяне ходили к соседям в гости, толковали о своём житье-бытье. Нужда была во всём: в одежде, в продуктах, в домашней утвари, в мебели, которую не успели сделать летом и мастерили, коротая время, зимой из подручных материалов. Особенно острая нужда была в обуви. Пара старых валенок была одна на всех, и каждый ходил в них на двор по очереди. К концу зимы закончилось сено, и скотину кормили одной

старой соломой, да и ту приходилось просить у соседей. Из продуктов оставалось только зерно: пшеница, ячмень и просо. Иной раз, растопив соломой печь, Ульяна Матвеевна ставила над огнём треножник, и в широкой чугунной сковородке поджаривала пшеницу. Когда зёрна набухали и начинали плясать, она снимала сковороду с огня и пересыпала горячие, испускающие на всю избу хлебный аромат, пшеничные зёрна в глубокую миску. Слегка присолив нехитрую еду толчёной солью, ставила миску на стол. Семья садилась вокруг и по очереди, начиная с главы семейства, зачерпывала деревянными ложками горячие зёрна и с хрустом пережёвывала древнейшее на земле лакомство. После такой еды долго не хотелось есть.

Надежды

Дружным половодьем пришла в степь весна, испестрив снег яркими бурыми проталинами. Кривая Отнога, наполнилась талой водой и, почувствовав в себе силу, сбросила змеиную шкуру поломанных тяжёлых льдин. Освободившись от гнёта, река широко и лениво разлилась, затопив все окрестные низины и лиманы...

После схода воды в затопленных бочажках, как всегда, оставалось много рыбы, которая, оказавшись в западне, начинала задыхаться на мелководье, и для хуторян наступало время рыбного промысла. В мелких бочажках добытки мутили воду ногами и черпали мутную жижу ивовыми корзинами, в лиманах – заводили короткий бредень.

К вечеру хутор погружался в сытую дрему. В воздухе, наравне с привычным ароматом тлеющего кизяка, повисал устойчивый и аппетитный запах жареной рыбы. Обьевши коты, забыв про мышей, отлёживались на завалинках. В каждом дворе все ёмкости: вёдра, тазы и корыта были заняты крупной свежей рыбой, а более мелкая сушилась, нанизанная на тонкие бечёвки. В хуторе наступали рыбные дни.

К концу апреля, на Пасху, небо по-особому заголубело, раздвинулось вширь и, как будто, став выше, наполнилось свежим весенним ветром и голосами птиц. По зелёному ковру пробившейся молодой травы ярким бисером рассыпались степные жёлто-красные тюльпаны. Прогретая солнцем земля ожила – задышала после зимнего оцепенения.

Шумно и оживлённо было в степи весной 1916 года. Не дождавшись прямых указаний уездного начальства об изъятии земли у немецких колонистов, но ожидая этих указаний со дня на день, а самое главное – боясь упустить время – крестьяне дружно взялись запахивать, оставленные с прошлой осени не засеянными озимыми, земли немецких колонистов. Торопились, спешили мужики – загоняли коней и быков, сильно надеясь, что кто, сколько запашет, тому столько и отрубится.

Земляки-переселенцы тоже не теряли время: сойдясь в артель, от зари до зари пахали супряжно, меняя уставших коней. Почернели от солнца и пыли их лица, исхудали пахари от тяжёлого труда, истомились кони, но через полторы недели четыре сотни десятин были вспаханы. Ещё через неделю земля приняла семя и, может быть, впервые за всю долгую и маетную жизнь возликовала крестьянская душа! Неиспытанное доселе чувство удовлетворения и счастья наполнило истомлённые крестьянские сердца.

Каждое утро, задолго до того раннего часа, как хуторской пастух Илюшка собирал по дворам коров и овец, и гнал стадо в дальнюю сочную ложбину, выходил Терентий Тимофеевич из дома и торопливой трусцой устремлялся к засеянному полю. Ему до конца не верилось, и он хотел ещё и ещё раз самолично убедиться в том, что то, ради чего было положено столько трудов и оставлено родное село, где прошло его детство и детство его отцов и дедов, теперь лежит перед ним тёплой мягкотью, готовое показать свою плодородную силу. Терентий брал в руку ком бурой земли, мял его пальцами, тёр в заскорузлых ладонях, принюхивался и даже пробовал на язык. Потом, качая головой, одобрительно кряхтел и с облегчением на сердце, направлялся к дому, на ходу отряхивая и вытирая об штаны испачканные ладони своих тяжёлых натруженных рук...

* * *

Последнее лето обречённой, стоявшей перед бездной, Российской империи было для чиновников Новоузенского и Николаевского уездов сущим адом. Никогда ещё не приходилось распорядительному присутствию получать и перерабатывать столько всякого рода бумаг. Из Самары спускались циркуляры губернатора, постоянными требованиями теребила комиссия

по мобилизации, готовились списки немецких колонистов, депортация которых была назначена на следующий год; с мест, из волостей, шли непрерывным потоком жалобы от землевладельцев на самоуправные действия крестьян, волостные старосты писали рапорты о самозахватах крестьянами «свободных» земель. Полиция сбивалась с ног, разъезжая по хуторам в поисках самовольщиков. Но земля повсеместно была засеяна, а значит – неприкосновенна.

Все ждали перемен на фронте, перемен в руководстве. Но время шло, тянулось неторопливой бычьей походкой и растекалось по чиновничьим столам ворохом исписанных бумаг.

Немцы-колонисты, в ожидании отправления в Сибирь, не боролись с крестьянами, захватившими половину их наделов. Засеяли для себя столько, сколько было необходимо для собственных нужд. К великой радости полиции, открытых столкновений между крестьянами и колонистами в уездах не было.

Всё лето по волостям разъезжала уездная комиссия в составе: начальника канцелярии, податного инспектора, неперменного члена землеустроительной комиссии, волостного старосты, урядника и землемера. Обмерялось, записывалось и общитывалось количество запаханной земли, где и каким зерном было засеяно, выявлялись фамилии самовольщиков. Уездные землемеры столбили вешками, наносили на карты по факту временные границы новых отрубов, обнадёживая исстрадавшихся крестьян желанными перспективами.

Немцы жили по своим хуторам тихо, смирившись с ожидаемой их участью. Продолжали заниматься полюбившимся ими промыслом – изготовлением на больших деревянных станках, стоявших в каждом доме, яркой холщёвой сарпинки. Продавалась она по всем городам Поволжья и развозилась по России. Сарпиночный промысел, в который поголовно были втянуты все колонисты, давал хороший доход, поэтому потеря половины земельных наделов, которые и без того уже ими не обрабатывались, не была так болезненно воспринята немцами, как этого опасались уездные власти.

* * *

С великой надеждой и нетерпением ожидали крестьяне большого урожая, возможно, самого большого за всю свою жизнь. Загодя готовили гумна, складывали из самана широкие клуны, скребли и уплотняли тока для молотбы. Прошедшие по весне обильные дожди, укрепляли надежду на урожай и хороший прибыток в хозяйствах. И всё-таки крестьянам-скитальцам было трудно поверить, что вот так просто решилась их давнишняя мечта о своей, хотя и самовольно засеянной земле. Наведываясь к «своим» наделам, они мерили высоту подрастающих стеблей и радовались, как дети, появлению зародышей будущих колосьев.

К середине лета, когда у колосьев стали подсыхать верхушки и зерно приобрело молочную спелость, покой окончательно покинул хуторян. По целым дням пропадали они в поле: ощупывали, потрошили, мяли поспевающие колосья пшеницы, опытным глазом своим и крестьянским умом пытались угадать, определить главный для каждого хлебороба вопрос: когда начинать жатву?

И только, когда пожелтели стебли и колос стал клониться к земле, когда желтые зёрна, взятые с верхушки колоса, перестали ломаться под ногтем, а только упруго проминались, всем стало ясно – время пришло... Началась страда – тяжёлая, изнурительная, но самая желанная и главная для любого крестьянина пора года.

Земля оправдала надежды.

От зари до зари крестьяне трудились в полях. Василий вместе с братьями – Петром и Павлом помогали отцу. Мужики снимали хлеб косами, бабы с детьми вязали снопы, ставили копны. До обмолота копны оставались в поле, колос в них доходил зрелостью. После жатвы наступало время обмолота зерна. Снопы свозились на гумна, складывались под навесы

и в клуни. Молотили вручную – цепами, механические паровые молотилки имелись на хуторе только в зажиточных хозяйствах Камерлова и МIRONЕНКО.

К осени все работы по заготовке зерна были завершены. Самые смелые надежды крестьян оправдались. Появилась уверенность, что сделанный ими выбор был правильный, что теперь они не бедняки, какими прибыли сюда год назад, а крестьяне, у которых есть главное – своя земля, а, значит, и свой хлеб, и, если не лениться – трудиться, то не придётся больше голодать и наниматься к чужому хозяину в батраки.

Осенью, в связи с обстановкой на фронте и необходимостью готовить резервы для пополнения войск, старшие сыновья Терентия Тимофеевича – Петр и Павел досрочно были призваны на службу в армию. Их определили в запасной полк, расквартированный в Самаре.

До Первой мировой войны призывной возраст в России был определён в 21 год. Срок службы в пехоте равнялся трём годам, в кавалерии – четырём, на флоте – пяти годам.

Перемены

Последний урожай, собранный в России до революции, был щедрый. В Поволжье – по 120 пудов с десятины. Но затянувшаяся война надрывала силы страны, в городах уже ощущалась нехватка продуктов. Правительство в отчаянии, опасаясь, что крестьяне начнут утаивать хлеб и поднимать цену, объявило о продразвёрстке. Уездные земские комиссии, с ноября разъезжавшие по сёлам и хуторам, принудительно изымали у крестьян зерно, выплачивая за него твёрдую цену. В 1916 году в России впервые не чеканились золотые монеты.

К концу года завершилось строительство Великой Сибирской магистрали. Теперь, сев на станции «Дергачи» или «Озинки» на поезд, можно было уехать не только до Уральска или Оренбурга, но и до самой Японии. Эта дорога стала последним большим делом, которым старая Россия подвела итог своего существования. После ноябрьской речи депутата Милюкова в Государственной Думе, стало очевидно, что монархия обречена.

Третьего марта 1917 года, после получения телеграммы из Петрограда об отречении царя Николая II, в Самаре был сформирован Комитет народной власти под председательством эсера Глядкового. Образованный Совет рабочих депутатов под руководством меньшевика Рамишвили, сразу же признал этот Комитет и делегировал в него своих представителей. Никто, кроме кадета Елшина, не знал в городе, что Глядков, и Рамишвили ещё в 1914 году познакомились с Керенским, который с тайной миссией приезжал в Самару.

Разом отменялись царские законы и указы, но Временное правительство не утруждало себя написанием новых, оставляя это право Учредительному собранию. Что делать и как жить дальше – никто толком не знал. В городах быстро вошли в моду красные бантики, а некоторые слои общества стали проявлять повышенную возбуждённость, какая обычно бывает у хищников, почуявших свою жертву.

Уже в марте было приостановлено действие «Ликвидационного закона». Воспрянули, упавшие было, духом немецкие колонисты Поволжья. Создавая различные общественные организации и комитеты, отстаивая свои права и провозглашая революционные лозунги, они выдвигали своих представителей в новые органы власти, демонстрируя им полную лояльность. Колонисты заявили права на отобранные у них земли, и крестьянам ничего не оставалось, как уступить организованному давлению.

Важнейшим вопросом весной 1917 года был вопрос о земле. На втором съезде крестьян, проходившем в Самаре с 20 мая по 6 июня, были приняты «Временные правила пользования землёй», согласно которым, все угодья передавались в распоряжение и под контроль Земельных комитетов на местах. Но, в отсутствии общероссийских законов, разработанные самарскими меньшевиками «Временные правила...» не нашли применения.

Остались позади февральские метели, но зима ещё огрызалась внезапными зарядами снежной шрапнели, заметая первые проталины вокруг кряжистых и витиеватых стволов старых вётел. Мартовское солнце всё чаще заглядывало в окна домов, отогревало завалинки. Талая вода унесла в прошлое старые печали и радости. С новой силой природа взялась совершать свой вечный круговорот, не обращая никакого внимания на горести и заботы людей.

Вместе с весенним снегом таяли последние надежды крестьян-переселенцев на лучшую жизнь и обустройство на хуторе Новониколаевском. Рушились хрупкие надежды и ожидания закрепления земельных наделов, а это означало, что тяжкий путь до конца ещё не пройден, что всё придётся начинать сначала, и ещё много будет трудностей и бед впереди. Терентий Тимофеевич почернел лицом, стал молчалив и задумчив. Тяжёлые мысли гнетуще ломили голову. Часто уходил он в дальний угол двора, и там, за клуней, опершись на новый плетень, подолгу смотрел за реку – в степь, едва сдерживая подкатывавшие слёзы отчаяния.

«Почему так вышло, – спрашивал себя Терентий, – что всё, на что надеялся, к чему всеми силами стремился, ради чего покинул родные места, вложил столько сил – в одночасье рухнуло и никакой надежды не осталось? Трое сыновей ушли на войну, из помощников по хозяйству остался один Василий, Филипп ещё слишком мал – не помощник ещё. Первый и единственный урожай забрали за бесценок заготовители, а теперь и землю не вернуть. И как жить дальше? Что делать?.. А может быть, напрасно было покинуто родное село Жеребец, где он вырос и где остались могилы родителей? Неужели напрасными были все труды и преодоления?.. Да, выходит, что так, – обречённо подытожил Терентий, – и рано было радоваться урожаю... Что же, неужто придётся возвращаться?.. Но куда?.. Некуда уже. И тут оставаться нельзя. А немчурно ходит, улыбается. Надо подаваться дальше – в степь.»

* * *

Как только сошёл снег, и едва окрепли грунтовые дороги, Терентий Тимофеевич со своим кумом Иваном Воскобойниковым, наладив телегу, отправились в степь на разведку. Через несколько дней они вернулись с хорошими новостями – встретили своих земляков, обосновавшихся на хуторе Рыбинском, верстах в пятидесяти от Новониколаевского. А самое главное – там была земля! Много свободной земли.

Вновь собравшись в артель и, взяв с собой плуги, бороны и семенное зерно, мужики отправились на хутор Рыбинский. Работы было невпроворот: отмерять наделы, поднимать целину, сеять хлеб, готовить саман, строить избы – а к жатве успеть перевезти семьи и начать обживаться. Земляки, приехавшие на хутор Рыбинский двумя годами раньше, по-соседски подсобили со строительством домов. К концу лета хутор Рыбинский прирос четырьмя новыми дворами.

Когда в апреле, измученные поисками нового пристанища, Терентий Полыннин с кумом Иваном набрели в степи на незнакомый им хутор, что стоял в широкой ложбине по обеим сторонам пруда, место им сразу приглянулось, да так, что заныло с тоски сердце и глаза наполнились влагой. Когда же увидели они вышедших им навстречу земляков, с которыми расстались два года назад в Натальино, то глазам своим не поверили. Удивлению и радости не было конца! Каким неведомым Божиим промыслом оказались на этом хуторе дорогие их сердцу земляки: весёлый Николай Кулыбко, рассудительный Пётр Морозов, ловкий в работе Афанасий Гринёв, строгий во всём Ефим Старосвитский и заботливый отец Григорий Фидря? Вскоре уже вся улица наполнилась весёлыми мужскими и женскими голосами. Детвора и молодёжь с любопытством разглядывала приехавших гостей.

– Ну, как же вы тут оказались, братцы мои? – обращался ко всем сразу, рукавом вытирая слезящиеся глаза, Терентий Тимофеевич.

– А так и оказались, – за всех отвечал Ефим Старосвитский. – Прибыли в Солянку, а там – ни земли, ни места... Одним словом – не понравилось. Ну, постояли два дня: туда-сюда, а потом плюнули и поехали дальше. Так вот и оказались на этом хуторе. А здесь и земля имеется, и, главное, Тимофеич, народ, как и мы – приезжий – десять дворов. Только пораньше нас тут обосновались. Бахчи разводят, кавуны сажают.

– Да что ты говоришь, родной мой! – вконец расчувствовавшись, срывающимся от волнения голосом, проговорил Терентий Тимофеевич.

– Сами увидите, – перебил Ефима Пётр Морозов, – а теперь пошли в хату. Пошли, пошли, у моей жены такой славный борщ уварился...

Он загрёб в охапку растроганных и растерявшихся от всеобщего внимания дорогих земляков и, по-приятельски подталкивая в спины, повёл их к ближайшей хате.

Хутор Рыбинский стоял в зелёной пологой долине, местами заросшей небольшими берёзовыми и ивовыми рощами. По дну долины протекал пересыхающий летом ручей. Первые

новосёлы-переселенцы, облюбовав это место для жилья, решили перегородить ручей и насыпали плотину. Через год появился пруд. Со временем плотину подняли, и воды стало больше. В ложбине земля была свободна, и теперь, имея воду, её можно было обрабатывать. В пруду развели рыбу, в домашних хозяйствах – гусей и уток, плантации давали хорошие урожаи арбузов, дынь и овощей. Пруд и устроенная на нём система водоподъёма позволяла орошать бахчи и огороды. Пшеницы засевали немного, только для себя с небольшим запасом.

Поздней осенью с первыми заморозками, когда вода в пруду покрылась тонкой скорлупою льда, из соседнего хутора Краюшкина, что находился неподалёку на речке Камышлак, пришло известие, что в Петрограде случился вооружённый переворот, и власть в стране перешла в руки неизвестных «большевиков».

Так бывает – оседает муть в стоячей воде, годами и десятилетиями копится она на дне и становится вязким илом. Но налетит свежий ветер перемен, всколыхнёт сонную гладь воды – и поднимутся волны, увлекая за собой со дна серую липкую муть, и выплеснут её вместе с пеной на чистый береговой песок. И закроет муть собою чистый песок.

И тот, кто был «никем» – сразу становится «все».

И эти «все», ещё вчера никому не известные, мелкие и ничтожные людишки, вдруг ставшие «творцами нового мира», с оружием в руках и красными бантами на груди начинают решать судьбы других людей. Они страшно ненавидят и усердно истребляют, в первую очередь, всех тех, кому они когда-то завидовали, кто был лучше и умнее их, и кто никогда не будет разделять их взглядов. Таковы все революции.

И вот уже чёрные заседательские брички с дикой и возбуждённой публикой, именуемой себя представителями нового порядка, как первые буреветники наступивших перемен, пронесли по холодной степи, хрустя ледяными корками осенних дорог...

Вскоре стали доходить слухи о первых погромах и экспроприациях. Встревожилась, затаилась степь в ожидании.

В крови и муках кончалась старая Россия и наступала новая, неведомая, иная жизнь.

Николаевск

В царствование Екатерины II, после подавления бунта Пугачёва, обе южные степи Российского государства одновременно и активно застраивались. В те самые годы, когда в Новороссии, в Александровском уезде, со строительством крепостей, выросли сёла – Жеребец и Гуляйполе, к югу от Самары, на правом берегу разливистой и петлявой реки Большой Иргиз в 1764 году возникла слобода Мечетная. Первыми жителями слободы были раскольники, возвратившиеся в Россию из Польши, благодаря послаблениям, последовавшим после воцарения Петра III. Но и до раскольников в этих местах жили люди. Ещё были видны руины, оставленные некогда стоявшим здесь золотоордынским поселением. Слобода в ту пору представляла одну улицу, протянувшуюся вдоль реки. При императоре Николае I слобода получила статус города, названного в его честь Николаевском.

От Николаевска в сторону Самары, на северо-восток тянется гряда пологих холмов, называемых Каменным сыртом. Река Иргиз, берущая начало на востоке от Синих гор, упирается в эти каменные холмы и, скручиваясь змеей, по большой дуге обходит природную преграду, и вливается в Волгу южнее Балакова. Степные речки, Камелик и Глушица, растекаясь от Натальина Яра в разные стороны, вместе с Иргизом образуют большой, до ста вёрст в диаметре, правильный круг, охватывающий пологую возвышенность. На берега этих рек, как бусины на ожерелье, нанизаны сёла и хутора. С юга круг подпирает село Нижняя Покровка, а на западе, ближе к Николаевску, село Рахмановка. В пятнадцати верстах к юго-западу от Покровки, по левому берегу речки Камышлак, текущей на север и впадающей в Камелик, рядом с хутором Краюшкиным, вытянулось дугой большое село Новочерниговка. Когда-то, ещё в восьмидесятых годах девятнадцатого века на месте села стоял хутор Горюны, окружённый рядом других хуторов: Муравли, Устиновка, Тихомировка, Грызлы. Прибывшие из Новороссии переселенцы, застроили берега реки, превратили хутор в село, а заодно, и поменяли название.

Уездный город Николаевск, хотя и невелик был по числу жителей, являлся одним из важнейших центров страны по торговле хлебом. Водяная мельница купцов Волковойновых, расположенная на левом берегу Иргиза, а также паровые мельницы Чемодуровых и Фоминых высокими каменными силуэтами возвышались над одноэтажной застройкой. Город растянулся по берегу реки большими квадратами кварталов и широкими проспектами параллельных улиц. Во дворах летом цвели сады, зеленели огороды. Пять церквей, как соседские петухи, разногласицей перезванивались по утрам, приглашая горожан на утренние службы. На базарной площади возвышался величественный пятиглавый Воскресенский собор. С его отдельно стоявшей трёхъярусной колокольни на пятьдесят вёрст открывался прекрасный вид в широкую степь. Железная дорога связывала Николаевск с Самарой и станцией Ершов на юге. Однако, при всей своей важной торговой значимости для России, Николаевск долгое время оставался неприглядным, грязным и пыльным захолустьем, не лучше пустынного Узенска. Помогло несчастье – летом жаркого и сухого 1897 года, случился пожар, вычистивший добрую половину города. После такого пожара Николаевск, по примеру сожжённой Наполеоном Москвы, был отстроен заново красивыми кирпичными трёхэтажными особняками в модном в ту пору стиле модерн.

В давние времена город окружали известные на всю страну раскольничьи мужские и женские монастыри, издавна привлекавшие к себе паломников.

В 1772 году в слободе Мечетной оказался беглый казак Емельян Пугачёв. Именно здесь, в монастыре старец Филарет надоумил бунтара выдать себя за императора Петра III.

Уездному городу Николаевску были подчинены слобода Балаково и немецкая колония Екатериненштадт.

По извилистым берегам Иргиза некогда росли дубовые и берёзовые рощи, в которых водились во множестве горностаи, куницы, фазаны. По окрестным рекам и лиманам обитали

дикие гуси и лебеди. Но присутствие занявшегося земледелием человека, быстро наложило свой отпечаток на окружающую среду. Земля, десятилетиями не получавшая удобрений, истощалась. К началу двадцатого века пшеница «белотурка» уже перестала давать урожай. От вырубки вдоль рек лесов и рощ, изменялся климат: реки мелели, озёра пересыхали, заболачивались и зарастали куrowsником. Для улучшения условий проживания и восстановления системы орошения полей, в конце 19-го века началось в степи массовое строительство плотин.

* * *

Весть о свершившемся в Петрограде большевистском перевороте 25 октября 1917 года, дошла до Николаевска на следующий день. Местная большевистская ячейка не решалась брать власть в свои руки и отправила в Петроград своего представителя. Только через месяц, 27 ноября, когда руководитель большевистской организации Ермощенко вернулся в уезд, в Николаевске была установлена советская власть.

Тогда же – в ноябре 1917 года на Южном Урале атаман Оренбургского казачьего войска Д.И. Дутов поднял казаков на вооружённое восстание против большевиков. Чуть позже восстание поддержали казаки Уральского казачьего войска под командованием атамана В.С. Толстого.

В декабре 1917 года старая русская армия перестала существовать. Солдаты целыми подразделениями оставляли окопы и уезжали домой – решать наиглавнейший для большинства вопрос о земле. Самый длинный в Европе, двухкилометровый Александровский мост под Самарой – был важной узловой точкой на Волге. Он связывал центральную и восточную части России. По нему ежедневно следовали эшелоны с покинувшими Западный фронт и «отвоевавшими своё» солдатами. Толпы истощённого войной народа в серых, выдавших виды шинелях и суконных папахах наводнили зимой 1918 года Самару, Николаевск и другие города Поволжья.

В середине января вышел указ Совнаркома об организации Рабоче-крестьянской Красной Армии, но на местах он долго не выполнялся. Только в феврале были упразднены уездные присутствия по воинской повинности и демобилизован личный состав запасных полков.

В конце января в Николаевске было распущено уездное земство, а функции земской управы переданы совету народных комиссаров.

Богат был событиями самый короткий в истории России месяц – февраль 1918 года. Снежной метелью закончился холодный январь, а на утро, когда народ проснулся и протёр глаза, на дворе уже стояло – 14 февраля. Так Россия, сократив февраль до 15-ти дней, догнала Европу и перешла на Григорианский календарь.

В феврале на базе дружины Красной гвардии был сформирован 1-й Николаевский батальон Рабоче-крестьянской Красной Армии. Его первым командиром был избран бывший фельдфебель Белгорайского полка и георгиевский кавалер Василий Иванович Чапаев. От расформированного 138-го запасного полка батальон получил вооружение и имущество.

В том же стиле и метельном феврале в селе Берёзове произошло первое кулацкое восстание, которое возглавил бывший полковник царской армии Баширин. С этого восстания, можно сказать, и началась в Николаевском уезде Гражданская война.

Первые два отряда Красной гвардии, посланные на усмирение восстания, были отбиты. И только рота бойцов 1-го Николаевского батальона во главе с Чапаевым сумела исправить ситуацию. После боя Чапаев докладывал в Николаевск: «В селе Берёзове развернулась настоящая гражданская война; село имевшее оборонительные узлы, пришлось брать с боем».

Надлом

Жестокая правда Гражданской войны состоит в том, что в ней не может быть победителя, как не может быть и середины. Наступало время непримиримой борьбы добра и зла, света и тьмы, «белого» и «чёрного», названного большевиками «красным». Но любая победившая сторона в итоге, всё равно, окажется проигравшей...

Потому нет у Гражданской войны «Дня победы».

Наступавшее новое и страшное время перемен, выбрасывало на историческую сцену своих героев. Сколько их появилось в те годы, вышедших из народной массы, поднятых на волне народного гнева и ожесточения.

Идейный анархист Нестор Иванович Михненко, наречённый поселянами Новороссии «батькой Махно»; храбрый георгиевский кавалер Василий Иванович Чапаев; участник Русско-японской и Первой мировой войны, кавалер полного банта двух российских орденов, трижды награждённый боевым оружием, прославленный полководец и командующий 2-ой конной армией Филипп Кузьмич Миронов и многие другие – честные и мужественные люди – все они, сделавшие свой выбор, дрались и погибали в жестокой, братоубийственной войне.

Охваченные лихорадкой борьбы, искренне верившие, что все жертвы не напрасны, что скоро, очень скоро «взойдёт заря свободы и всеобщего равенства» – эти, во многом тёмные, обманутые массы народа, с яростью уничтожали таких же русских людей, которые боролись за одну с ними и не менее любимую Родину. Никто из них не мог предположить, сколько ещё прольётся русской крови, сколько боли и мук ещё выпадет на долю нескольких поколений истерзанной и разорённой страны.

Непросто человеку осознать себя песчинкой в огромном мире – такой же, как миллиарды других песчинок, стремящихся, по закону всемирного тяготения, провалиться в тонкое отверстие невидимых часов вечного времени. Жизнь человека, если смотреть абстрактно – всего лишь миг. Тот миг перелёта песчинки из одного измерения в другое: из царства небытия – в царство смерти...

Давно канули в вечность, став придорожной пылью, победоносные легионы Тита, разрушившие в конце жаркого лета 70-го года Храм в чадающем и душном Иерусалиме. Рассеялся по миру, проданный в рабство, народ иудейский. Прошли века и тысячелетия, но то, что произошло в холодном Петрограде в октябре 1917 года, было отголоском и прямым следствием той далёкой Иудейской войны.

Из всех бед и несчастий, выпадавших на долю России за тысячу лет существования, Гражданская война, начавшаяся в феврале 1918 года, не имела себе равных по своей жестокости и губительным, непоправимым последствиям. С первых дней революции на флоте и в армии стали целенаправленно уничтожаться лучшие и опытные офицеры, не принявшие новую власть.

«Красный террор» затронул все слои общества, включая интеллигенцию и духовенство. Для большевиков, как представителей новой власти – человеческие жизни не представляли никакой ценности. «Пускать в расход врагов революции» стало обычным делом. Главным было: любой ценой удержать власть в своих руках.

Созданная Лениным партия большевиков стремилась к власти, но вовсе не потому, что кто-то из её членов горел желанием улучшить жизнь рабочих и крестьян. Ещё накануне октябрьского переворота 1917 года, пытаясь привлечь на свою сторону широкие массы народа, большевики и левые социалисты-революционеры поддерживали выдвинутые революцией лозунги: «Земля – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим», несмотря на то, что эти лозунги были чужды их государственным идеям. Массы народа не замечая этого политического лукавства, пошли за большевиками, став соломой в пожаре братоубийственной войны.

По словам революционерки Марии Спиридоновой «у большевиков не было будущего, всё в них дышало ненавистью и озлоблением». Поначалу казавшаяся великой идея «единения холопов всей земли» на деле обернулась озверением и обнищанием народа, разорением экономики и братоубийственной войной. Но главным идеологам этой идеи было глубоко наплевать и на экономику, и на народ, и на Россию.

После покушения на Ленина и убийства председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого, объявленный 2 сентября 1918 года Яковом Свердловым «красный террор», привёл впоследствии к неограниченной тирании в стране и миллионам безвинных жертв.

* * *

В последних числах февраля до Николаевска дошло известие о новом кулацком выступлении, на этот раз из села Липовка. Восстание быстро охватило территорию всей волости, повсюду ликвидировались Советы, формировались вооружённые отряды сопротивления.

Созданный Николаевским совнаркомом «Штаб охраны революции», назначил Чапаева военным комиссаром Липовского района.

Отряд Чапаева на двадцати подводах незамедлительно отправился в мятежный район. По пути следования в отряд вливались добровольцы, в основном – бывшие фронтовики.

Порядок в Липовке быстро был восстановлен, на кулаков и зажиточных, сочувствовавших мятежникам, была наложена хлебная контрибуция в пользу революции. Василий Иванович, проведя в селе митинг, собиравшийся возвращаться в Николаевск, но тут пришло страшное известие из Балакова.

Жертвой очередного контрреволюционного мятежа, поднятого в Балаково несогласными с советской властью офицерами и кулаками, стал младший брат Чапаева – Григорий. Мятежники вскрыли военный склад, захватили оружие, обмундирование и собрались на Троицкой площади, призывая народ выступить против большевиков и советской власти. Григорий Чапаев, бывший военным комиссаром города, вместе с другими членами Совета был арестован, но вскоре большая группа рабочих, пришедшая на выручку, освободила арестованных. Прямо из тюрьмы Григорий отправился на площадь, где митинговали мятежники. Поднявшись на трибуну, он стал уговаривать народ не поддаваться на призывы к мятежу, но был тяжело ранен выстрелом в упор.

Отец Григория – Иван Степанович, видя, что сын ранен, но пытается подняться, кинулся к нему, но в это время Григория подняли на штыки и понесли сквозь расступавшуюся толпу.

Видя, как умирает сын и, не имея возможности ему помочь, Иван Степанович в одну минуту от отчаяния и невыносимого горя стал седым. Он не спал всю ночь, не находил себе места, а на утро стал собирать народ. Вооружившись вилами, топорами, палками, толпа отправилась воевать против мятежных эсеров. Но силы были не равные. Голытьбу разоружили и запихнули в мучной лабаз, что стоял на Сенной площади. В лабазе было так тесно, что люди могли только стоять. Окна закрыли ставнями, дверь заперли на замок.

Когда на следующий день под вечер в город прибыл отряд Василия Ивановича Чапаева, воевать уже было не с кем – мятежники разбежались.

Узнав о том, что младший брат зверски убит, а отец заперт в лабазе, Чапаев отправился на Сенную. Когда сбили замки и открыли двери – увидели страшное. В лабазе вплотную друг к другу стояли окоченелые трупы. Но было несколько человек, ещё дышавших из последних сил. Среди них и отец Чапаева – Василий Степанович.

Только успели вынести его на воздух, как он потерял сознание...

* * *

Шли первые недели формирования новой, создаваемой по классовому принципу, Красной армии.

В это время на юге по голым, продуваемым студёными ветрами, донским и кубанским степям уходили в свой «Ледяной поход» разрозненные части будущей Добровольческой армии генерала Корнилова. В ночь на 22 февраля около трёх с половиной тысяч плохо одетых и слабо вооружённых бойцов покинули неприветливый Ростов, перешли по льду на левый берег Дона и растворились в снежной темноте. В одной из телег обоза лежал под ворохом шинелей тяжело простудившийся Антон Иванович Деникин. Казачество Дона, поначалу не желавшее портить отношения с большевиками, относилось враждебно к формирующейся в Ростове добровольческой армии. Вместе с военными покинули город две сотни гражданских лиц, большей частью из которых были сестры милосердия. На весь отряд было восемь трёхдюймовых пушек с малым количеством снарядов, у каждого бойца имелась винтовка с горстью патронов в кармане. В конном эскадроне, собранном из офицеров разных полков, шашки были не у всех. Против них на Кубани стояла недавно сформированная армия красных, по численности в десять раз превосходившая слабо вооружённый отряд Корнилова. На что надеялся Лавр Георгиевич, что чувствовали, пошедшие за ним люди? Все они сознавали, что вряд ли смогут спасти Россию.

Их целью было другое – спасти, хотя бы, русскую честь.

В этом походе участвовали последние офицеры расформированного Харьковского уланского полка: ротмистр Сергей Скачков, штабс-ротмистр Константин Иванов, братья Александр и Николай Зубовы. За свою более чем двухвековую историю Харьковский кавалерийский полк неоднократно менял свой вид и предназначение: был он и гусарским, и кирасирским, и драгунским, и, наконец, уланским. Во время войны 1812 года в Харьковском драгунском полку служил дед Терентия Тимофеевича – Степан. Он имел две Георгиевские награды, отличившись в Шевардинском и Бородинском сражениях.

На следующий день – 23 февраля в станице Ольгинской из разномастных вооружённых отрядов, вышедших с генералом Корниловым из Ростова, был сформирован 1-й Офицерский генерала Маркова полк. Таким образом, день – 23 февраля стал днём рождения русской Добровольческой армии. Сергей Леонидович Марков был образцом русского офицерства, на него равнялись, его любили. Во всё время героического похода его полк был в авангарде армии. Марковцы дрались отчаянно, когда не было патронов, ходили в штыковые атаки и всегда побеждали.

Через четыре месяца 25 июня 1918 года в бою у станции Шаблиевка генерал Марков погиб в бою.

На построении полка его новый командир – полковник Тимановский произнёс короткую речь: «Отныне каждый чин полка носит имя первого командира. Не будет с нами генерала Маркова, но он будет жить в сердцах всех нас и незримо вести нас, руководить нами. Мы увековечим его память своей жертвенной любовью к Родине, непоколебимым духом, своими делами, пример которых он показал нам. Мы в рядах полка его имени будем выполнять свой долг с полной верой, что Россия снова будет Великой, Единой и неделимой!»

Преемник генерала Маркова – Николай Степанович Тимановский добровольцем ушёл на фронт ещё в Русскояпонскую войну. Был одним из храбрейших офицеров в армии. В Первую мировую сослуживцы и подчинённые его уважительно называли «Степаныч».

Итогом беспримерного по мужеству и героизму похода генерала Корнилова по холодным и продуваемым ветрами Сальским степям – этой русской Голгофы, стало то, что тысячи и десятки тысяч офицеров, казаков, солдат и гражданских лиц влились в добровольческое дви-

жение. Это они были подлинными защитниками своего Отечества – России, в отличие от большевиков, сражавшихся «за власть Советов».

Так единый русский народ зимой и весной 1918 года был расколот на две неравные части, и надлом этот прошёл через каждую семью, и через каждого человека.

Название «белая гвардия» появилось позже – в результате так называемого гвардейского синдрома, охватившего всех участников белых формирований. В моду вошло обшивание воротников, клапанов нагрудных карманов и обшлагов цветными выпушками и кантами по образцу бывшей российской императорской гвардии.

Состоявшийся в конце марта в Уральске казачий съезд постановил: считать Уральскую область самостоятельной до созыва Учредительного собрания, при этом иметь своё войсковое правительство и собственную армию во главе с атаманом. Пришедшее к власти казачье войсковое правительство объявило открытый поход против Советов. Всё казачье войско было приведено в боевое состояние. Попытки Саратовского Совета урегулировать конфликт мирным путём ни к чему не привели. В отличие от донского казачества, оказавшегося в результате большевистской агитации разделённым на «белых», «красных» и «красно-белых», уральские казаки не метались между «теми» и «этими». В своём выборе они были тверды, да и рассчитывать на чью-либо помощь им не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.